

A dark, open door stands in the center of a pitch-black room. A thick plume of white smoke or steam rises from the top of the door frame, partially obscuring the light coming from the other side. The door is slightly ajar, revealing a glimpse of a bright, hazy exterior. The floor in front of the door is dark and textured.

**НЕ ОТКРЫВАЙ ГЛАЗА
ДО РАССВЕТА**

Анжела Арден НЕ ОТКРЫВАЙ ГЛАЗА ДО РАССВЕТА

<https://litres.ru/74616767>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса получает в наследство дом бабушки, о которой никогда не слышала. Условие: прожить там двадцать восемь ночей. Не открывать дверь. Не отвечать, если позовут по имени. Не смотреть ему в глаза.

Но с каждой ночью царапин на двери становится больше. А существо за ней хочет не её кровь — оно хочет её имя.

28 ночей. Одна дверь. Один выбор.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Анжела Арден НЕ ОТКРЫВАЙ ГЛАЗА ДО РАССВЕТА

Глава

Глава первая. Дом, который ждал

Дождь начался ещё в городе — мелкий, серый, беззвучный, словно небо решило не предупреждать никого о своём присутствии. К вечеру он превратился в сплошную стену воды, и автобус, юркий, старый, пахнувший бензином и мокрой одеждой, с трудом полз по разбитой дороге, то проваливаясь в ямы, то вздрагивая всем кузовом на неожиданных поворотах.

Алиса сидела у окна и смотрела, как за стеклом проплывают тёмные поля, покосившиеся столбы, редкие дома с погасшими окнами. В руках она сжимала конверт с документами. Бумага отсырела, края её размягчились, и на обратной стороне проступило пятно — круглое, бурое, похожее на засохшую кровь.

Она попыталась не думать об этом.

В конверте лежало свидетельство о смерти. Чужое имя — Марфа Сергеевна Лунёва — ничего ей не говорило. Бабуш-

ка. Слово само по себе казалось неправильным, чужим, как ключ от двери, которую она никогда не открывала. Мать никогда не упоминала о ней. Отец тем более. А теперь эта женщина, о которой в семье не было произнесено ни единого слова за двадцать семь лет, оставила Алисе дом.

Не деньги. Не квартиру. Не украшения.

Дом.

Старый, стоящий на отшибе, в деревне, которой, судя по карте, уже почти не существовало.

Водитель обернулся.

— Дальше не поеду, — сказал он, сбавляя скорость. — Дорога кончается. Дальше только пешком.

— А далеко?

— Километра два. Может, три. Смотря как считать.

Он не уточнил, от чего именно следовало считать, и Алиса не спросила. В салоне пахло сыростью, и от этого запаха у неё неприятно заныли зубы.

— Вы там живёте? — она кивнула в темноту за окном.

Водитель помолчал. Дворники скрипнули по стеклу, размазывая воду ещё сильнее.

— Раньше жили, — ответил он наконец. — Теперь нет.

Автобус остановился. Алиса вышла под дождь, прижав к груди сумку, и услышала за спиной, как хлопнула дверь. موتور взревел, фары дрогнули, выхватив из мрака кусок дороги, — и свет покатился прочь, унося с собой последнее напоминание о том, что где-то ещё существуют люди.

Она осталась одна.

Дорога уходила вперёд, в черноту. Справа темнел лес — не просто деревья, а сплошная, плотная масса, в которой не было видно ни одной ветки, ни одного просвета. Слева тянулось поле, мокрое и безмолвное. Ветер шевелил траву, и она кланялась, словно многочисленные тонкие фигуры, приветствующие гостью.

Алиса пошла.

Каблуки вязли в грязи, сумка оттягивала плечо, дождь забирался под воротник и стекал по спине ледяными пальцами. Она шла, считая шаги, потом перестала считать, потому что числа потеряли смысл. Впереди не было ничего, кроме темноты, и лишь когда она уже начала думать, что водитель её обманул, между стволами показался дом.

Он стоял на пригорке, чуть в стороне от дороги, и казался выше, чем должен был быть. Два этажа, крутая крыша, узкие окна. На фронтоне темнела деревянная резьба — цветы, птицы, какие-то фигуры, которые дождь и время превратили в бесформенные наросты. Крыльцо было широким, с покосившимися перилами, и от него к дороге вела тропинка, заросшая мокрой травой.

Дом смотрел на неё.

Алиса остановилась.

Ей показалось, что в одном из окон второго этажа что-то шевельнулось. Не занавеска. Не отражение. Что-то живое, быстрое, исчезнувшее прежде, чем она успела понять, что

именно увидела.

Она стояла под дождём, и дом стоял напротив, и между ними повисло молчание — густое, тяжёлое, наполненное ожиданием.

Потом в окне вспыхнул свет.

Алиса вздрогнула. Она ещё не входила в дом. Ключи лежали в кармане. Никого внутри быть не могло.

Свет погас.

Она поднялась по ступеням. Доски прогибались под ногами, издавая протяжный, жалобный звук. Ключ вошёл в замок легко, словно дверь ждала её. Изнутри пахло холодом, пылью и чем-то ещё — тонким, сладковатым, похожим на запах увядших цветов.

Она вошла и закрыла за собой дверь.

В темноте, где-то глубоко в доме, что-то тихо стукнуло.

Один раз.

Потом ещё раз.

И замолчало.

Глава вторая. Двадцать восемь ночей

Утром Алиса обнаружила, что дом гораздо больше, чем казался снаружи.

Коридоры расходились в стороны, словно руки, обнимающие невидимое. Двери были повсюду — высокие, тёмные, с медными ручками, потемневшими от времени. Некоторые были заперты. Некоторые открывались в пустые комнаты, где пыль лежала ровным слоем, нетронутая ничьими шага-

ми. В одной стояло пианино с открытыми клавишами. В другой — детская кроватка, хотя, насколько Алиса знала, детей в этом доме никогда не было.

На кухне она нашла записку.

Бумага была старой, пожелтевшей, сложенной вчетверо. Почерк — острый, наклонный, с длинными росчерками — принадлежал, очевидно, той самой женщине, чьё имя стояло в свидетельстве о смерти.

«Алиса. Если ты читаешь это, значит, я уже не смогу тебе ничего объяснить. В доме нужно прожить двадцать восемь ночей. Считай их. Не пропускай ни одной. После заката не выходи. Если постучат — не открывай. Если услышат твоё имя — не отвечай. Если увидишь его — не смотри в глаза. Ты поймёшь, о ком я. Ты всегда понимала больше, чем тебе говорили».

Алиса перечитала записку трижды.

Потом отложила её на стол и долго сидела, глядя в окно, за которым серел мокрый сад. Слова казались бредом умирающей старухи. Или шуткой. Или проверкой.

Но пальцы её сами собой начали загибаться.

Одна ночь.

Она нашла в буфете чистую тетрадь и на первой странице вывела цифру.

1.

В тот вечер она легла рано. Усталость от дороги навалилась вдруг, тяжело, как одеяло, брошенное на лицо. Али-

са погасила свет, устроилась под старым одеялом, пахнущим лавандой и чем-то ещё, чем-то неуловимо чужим, и закрыла глаза.

Сон не пришёл.

Вместо него пришёл звук.

Сначала она приняла его за скрип половиц. Старые дома всегда скрипят. Потом решила, что это ветер. Но ветер не может дышать.

А это дышало.

Медленно. Ровно. За стеной, совсем близко, там, где раньше была пустая комната. Вдох — длинный, глубокий. Пауза. Выдох — тихий, почти нежный.

Алиса лежала неподвижно.

Дыхание за стеной совпадало с её собственным. Когда она вдыхала — оно вдыхало. Когда она задерживала воздух в груди — наступала тишина. Словно кто-то учился у неё. Словно кто-то повторял.

Она не спала до рассвета.

Когда серый свет наполнил комнату, звук исчез. Алиса встала, подошла к стене и приложила ладонь к обоям. Они были холодными. За ними не было ничего, кроме пустоты.

Но на полу, у плинтуса, лежала горсть земли.

Влажной. Свежей. С травинками, ещё не успевшими завянуть.

Глава третья. То, что под домом

Днём Алиса исследовала подвал.

Лестница вела вниз, в темноту, и каждая ступенька отзывалась глухим, пустым звуком. Внизу пахло сыростью, плесенью и землёй — настоящей, чёрной, жирной землёй, какой пахнет после дождя кладбище.

Она включила фонарик на телефоне.

Луч дрогнул, выхватил из мрака кирпичные стены, старые полки, банки с мутной жидкостью, свёрнутые холсты, мебель, накрытую простынями. Простыни висели неподвижно, но в полумраке напоминали фигуры людей, замерших в ожидании.

В дальнем углу находилась дверь.

Не деревянная. Каменная. Она была частью стены, словно её не построили, а вырастили вместе с домом. Ни ручки. Ни замка. Только тонкая щель у самого пола, слишком узкая даже для руки.

И на пороге — земля.

Такая же, как утром. Влажная, тёмная, с корешками.

Алиса присела.

Из щели тянуло холодом. Не сквозняком — именно холодом, плотным, живым, как дыхание из глубины. Она поднесла ладонь к щели, и воздух коснулся пальцев — медленно, бережно, почти ласково.

Потом что-то шевельнулось за дверью.

Не звук. Движение. Ощущение. Словно по ту сторону каменной стены кто-то повернул голову.

Алиса отскочила назад.

Фонарик дрогнул. Луч метнулся по подвалу, скользнул по простыням, по банкам, по стене — и на миг осветил то, чего раньше не было.

На кирпичной кладке, прямо над дверью, проступили буквы.

Словно их выдавили изнутри.

«ТЫ СЧИТАЕШЬ НОЧИ. ОН СЧИТАЕТ ВДОХИ».

Она выбежала наверх, не оглядываясь. Дверь за спиной закрылась сама — мягко, без скрипа, словно её придержали чьей-то рукой.

Глава четвёртая. Имя

На третью ночь постучали.

Алиса сидела в гостиной, у камина, в котором горел огонь — единственный источник света во всём доме. Она пыталась читать, но слова расплзались по страницам, теряя смысл. За окнами стояла такая темнота, что стекло казалось чёрным зеркалом, и в этом зеркале отражалась комната — камин, кресло, её собственное лицо.

Стук.

Три удара. Ровных, неторопливых.

Алиса замерла.

Пауза.

Ещё три.

Она не встала. Записка бабушки лежала на журнальном столике, и слова на ней горели в памяти: если постучат — не открывай.

Стук повторился.

На этот раз — четыре удара.

Потом голос.

Он был тихим. Спокойным. Почти знакомым.

— Алиса.

Она закрыла глаза.

— Алиса, открой. Я знаю, что ты слышишь.

Голос доносился не со стороны входной двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.